

С.С. Аванесов
Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
iskiteam@yandex.ru

Архитектурная среда и «объективное» восприятие города (к понятию визуальной автобиографии)

*Доклад подготовлен в рамках исполнения гранта РФФИ № 19-011-00124
«Философская автобиография как метод антропологической навигации»*

Аннотация

Доклад посвящен анализу проблемы адекватного восприятия города как многослойного культурного пространства. Автор исходит из положения о том, что культурное пространство есть динамичная и открытая система смыслов. Город представляет собой смысловую систему, выраженную посредством материальных объектов и их пространственных соотношений. В данном контексте архитектурная среда воспринимается и интерпретируется как совокупность визуальных знаков, то есть текст. Поскольку город есть текст, «растущий» во времени, постольку его общий смысл всегда больше его наличного облика. Этот общий смысл города воспринимается только тогда, когда мы сквозь настоящее состояние городской среды «видим» и прошлое, и будущее конкретного города. Отношение к городу как к сложному пространственному семиотическому комплексу, существующему в большом времени культуры, дает его жителям возможность формировать и переживать свою идентичность, формируемую только в контексте уникальной истории. Город в целом оказывается растущей совокупностью биографий его жителей и посетителей, в конечном итоге — его постоянно дополняемой автобиографией.

Ключевые слова: город, архитектурная среда, визуальный текст, восприятие, культурное пространство, биография, автобиография

S.S. Avanesov
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Velikiy Novgorod)
iskiteam@yandex.ru

Architectural environment and “objective” perception of the city

Abstract

The article deals with the analysis of the problem of adequate perception of the city as a multi-layered cultural space. The author proceeds from the basis that cultural space is a dynamic and open system of variations. The city is a semantic system, expressed through material objects and their spatial relationships. In this context, the architectural environment is perceived and interpreted as a set of visual signs i. e. text. Since the city is a text “growing” in time, so its general meaning is always greater than its present appearance. This general meaning of a city is perceived only when we “see” both the past and the future of a particular city through the present state of the urban environment. The attitude to a city as to a complex spatial semiotic complex that exists in a large culture time gives its residents the opportunity to form and experience their identity, created only in the context of a unique history. The city as a whole turns out to be a growing collection of biographies of its residents and visitors, and in the end, its constantly supplemented autobiography.

Key words: city, architectural environment, visual text, perception, cultural environment, biography, autobiography

Город представляет собой специфическим образом сформированное **культурное пространство**. Физическое место по определению всегда одно и то же, но человек живет не в таком фантастическом месте, а в реальном человеческом пространстве, которое способно трансформироваться, концентрироваться, распространяться, комбинироваться. В одном и том же гипотетически-абстрактном «месте» попеременно или даже одновременно присутствуют

разные реальные пространства. Одно физическое место по определению всегда отграничено от любого другого физического места; пространства же могут присутствовать друг в друге или дополнять друг друга. Место — это абстрактная константа, пространство — это реальная переменная. Реальный человек живет в мире экзистенциальных переменных, а не отвлеченных логических констант.

Любой город формируется, самоопределяется,

существует и развивается не столько как совокупность более или менее упорядоченных и так или иначе связанных друг с другом материальных объектов, сколько как осмысленное человеком жизненное пространство, или **пространство смыслов**, репрезентируемых посредством этих материальных объектов. Актуализация таких смыслов осуществляется в контексте разнообразных коммуникативных практик — как синхронных, так и диахронных. Всякий объект, функционирующий в качестве репрезентанта некоторого смысла, является **знаком**. Город есть система знаков, то есть **текст**.

Текст как упорядоченная совокупность знаков не столько являет свою форму, сколько сообщает о своем содержании, «отсылает» читателя от слоя своей внешности к слою своего смысла. Эстетика внешнего облика элементов текста или акустических параметров связной речи в семиотической ситуации не являются самодостаточными; они ориентированы на «производство» осмысленного сообщения. Один и тот же смысл может быть выражен с помощью букв, отличающихся по форме, цвету и размеру, или с помощью звуков разной высоты, продолжительности и интенсивности. Эстетически воспринимаемая форма материальных объектов, в процессе рецепции приобретающая семиотическое измерение, выступает как средство трансляции сообщений (дескриптивных или нормативных), как **коммуникативное** средство.

Город есть сложная совокупность множества визуальных «сообщений», организованных с помощью различных по своей «графике» знаковых систем (комплексов). Содержание таких визуально различающихся сообщений может совпадать: город, имеющий достаточно протяженную историю, несет в себе образцы применения различных архитектурных стилей и художественных традиций для выражения тождественного смысла (очень часто такие стили и традиции обнаруживаются в составе одного и того же памятника или ансамбля). И, напротив, один и тот же архитектурно-художественный стиль может использоваться для репрезентации различных смыслов. Иначе говоря, городской текст имеет ту или иную **историческую глубину**, выраженную с помощью визуальных (оптических) средств, поддающихся семиотической интерпретации.

Человек — **историческое** существо; он сбывается (становится собой) во времени. Городская среда в этом отношении соответствует человеку: она хронически подвижна, она тоже несет в себе и визуально демонстрирует свою историчность. В культурном пространстве города различными способами репрезентировано историческое время. Более того, город, как он сформировался в течение истории, **есть наглядный образ примирения времени с пространством**. Город демонстрирует совмещение в едином пространстве разновременных явлений. Здесь пространство выступает в качестве способа упорядочения времени: в городском пространстве каждому **времени** истории города находится свое **место**. Город, как всякое подлинное явление культуры, существует в «большом времени», в **хроническом** измерении, неотделимом от его пространственных аспектов. Его **современный** облик неравен себе, поскольку (как явно, так и неявно) содержит в «снятом» виде всю предшествующую историю и одновременно «чреват» будущим. Таким

же образом настоящее время неизбежно содержит в себе и прошлое (которого, действительно, нет нигде, кроме настоящего), и будущее (как проект, прогноз или ожидание). Так же и городская среда выражает собой и исторические нарративы, и возможные перспективы.

Культурное прошлое, в отличие от «физического» прошлого, никогда не исчезает из опыта, оно всегда присутствует в нем, являясь его обязательной частью. Сознание, лишенное культурного опыта прошлого, теряет свое историческое — подлинно человеческое — измерение; носитель такого сознания выпадает из «большого времени» культуры, утрачивает идентичность и легко превращается в элементарный объект манипуляций. Отношение к городу как к **сложному пространственному комплексу, существующему в большом времени культуры**, дает его обитателям возможность формировать и позитивно переживать свою — личную и общественную — идентичность, формируемую только в контексте уникальной истории.

Поэтому город в своем содержании никогда не исчерпывается тем наличным обликом, который дан нам в простом незаинтересованном восприятии. **Образ** города не равен «виду» города или его «внешности». Образ города имеет протяженность во времени, он углубляется как в прошлое, так и в будущее. Когда в наличном облике города мы читаем его историю и посиленно прогнозируем его будущее, мы имеем дело с его образом. Временной параметр городского пространства (историческая «глубина» видимого урбанистического ландшафта) напрямую определяет результат нашего взгляда на город. Действительно, восприятие города может происходить по трем «парадигмам»: а) воспринимается только настоящее, как оно «есть», как оно видится с точки зрения заезжего равнодушного туриста, глядящего в окно автобуса; б) воспринимается настоящее, включающее прошлое, благодаря чему город переживается не как плоский наглядный факт, а как итог исторической динамики, как результат тех процессов, которые создали его «глубину», читаемую под «поверхностью»; в) воспринимается настоящее, включающее прошлое и будущее, что позволяет видеть город не только в его истории, но и в его «выступании вперед себя» (если использовать известный онтологический концепт М. Хайдеггера), в его **продолжительности**. То, что **видно**, зависит от того, как **смотреть**. Полное видение зависит от **культурной** апперцепции видимого. Физически видимое, таким образом, отличается — в худшую сторону — от видимого в культурном контексте или в аспекте «большого времени», придающего видимому исторический «объем». Для восприятия города важна не только его в данный момент видимая форма (внешность), но ее протяженность во времени, ее ретроспектива и перспектива и, соответственно, ее значение в общем образе города, ее важность для сохранения городской среды, ее культурная и нравственная **ценность**.

К примеру, архитектурные руины могут «объективно» восприниматься как мусор, но «субъективно» выступать как часть урбанистического нарратива. Даже если мы не знаем истории именно этого города и именно этого памятника, мы неизбежно воспринимаем руины как результат процессов, протекающих

во времени, как следствие некоторых случившихся в прошлом **хронических** событий. Руины как таковые, в их физическом аспекте, репрезентируют собой (посредством нашего восприятия) историю города, места или сооружения, оказываясь, таким образом, включенными в объемную картину динамично развивающегося городского пространства. Любой (даже чисто эмоциональный или сугубо гипотетический) прогноз, связанный с возможной ревитализацией этих руин, включает их и в **будущее** развитие города, предполагает продолжение их истории.

Историческая глубина архитектурной среды содержится не только в памяти или в субъективных догадках о прошлом; она зафиксирована в визуальных документах различных эпох. Речь идет о старых фотографиях, рисунках, живописных и скульптурных изображениях, архитектурных и планировочных проектах. При этом нереализованные архитектурные проекты также являются элементами сложного образа города, составляя часть **истории** развития его пространственной среды. Очень много сообщают о биографии города сохранившиеся в старых семейных альбомах фотографии, где на переднем плане зачастую — его давно ушедшие жители, творившие эту биографию. Благодаря сохраненной визуальной памяти, с этими людьми навсегда ассоциирован тот архитектурный фон, на котором они сняты, становясь в нашем сегодняшнем восприятии источником информации для формирования образа города.

Это прошлое города, обеспечивающее объемность его нынешнего образа, носитель соответствующего ментального «кода» может прочесть сквозь любой современный архитектурный объект. Например, наблюдая высокое здание из стекла и бетона с приросшим к нему стеклянным бутоном, я не менее ясно вижу на этом же месте когда-то безжалостно

сносенный двухэтажный кирпичный дом досоветского вида и качества, на втором этаже которого помещалась скромная квартира моей бабушки с деревянными полами и печью, а на первом располагалась столовая, знаменитая тем, что в праздники через ее огромные окна всем родственникам столовских работников, несмотря на внешнее оцепление, можно было беспрепятственно следить за проходившим по проспекту военным парадом. Это прошлое **входит** в образ данного места как его неявное, но значимое содержание.

Город не только является контекстом той или иной человеческой биографии, но и всякая индивидуальная человеческая биография является активатором **определенных** смыслов, параметров и качеств города. Город с его биографией «складывается» в русле конкретных биографий его обитателей и посетителей. Количество и содержание таких биографий — величина открытая. Следовательно, единый образ города в любой момент его истории оказывается не полностью и не до конца определенным, открытым для соучастия.

Насколько «герой» биографии является ее автором, настолько эта его биография оказывается **автобиографией**, то есть его собственным и ответственным предприятием. В этом ракурсе можно вести речь и об автобиографии города: о такой его биографии, которая складывается из активно и ответственно создаваемых биографий его жителей. Город формируется как **визуальная автобиография** городского сообщества в его истории; в нормально функционирующем городе эта история не только актуальна, но и **перспективна**, открыта в будущее. В противном случае, когда такой открытости не наблюдается, биография города легко превращается в его некролог.